

С.И.Каспэ

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ САЛМИНА

ПОЛИТИКА

О нем будут писать еще много. О нем будут писать еще долго. Эти поспешные, сбивчивые заметки – ничто по сравнению с масштабами потери, для осознания которой потребуется огромное, продолжительное, обязательно коллективное интеллектуальное усилие. Но и скорбное молчание – не выход, поскольку есть вещи, которые должны быть сказаны немедленно. Есть такое выражение – «воспоминания опилок о магнитном поле». В этом печальном жанре и приходится теперь выступать.

Салмин существовал одновременно во многих общественных средах – и в каждой из них его место было уникальным. Людей, именующих себя политологами, в России много, даже, кажется, избыток: но по пальцам можно пересчитать тех, благодаря кому можно говорить о существовании российской политической науки в высоком и собственном смысле слова, науки как ответственного поиска истины средствами разума. Он был одним из таких людей.

Многочислен и отечественный политический класс; но крайне редко встречаются в нем люди, сочетающие глубокое понимание механизмов работы политических машин, непосредственное участие в процессах принятия решений – с верностью жестким нравственным стандартам, с пониманием того, что конкретные политические стратегии лишь производны от мира ценностей, с готовностью служить «общему благу» даже наперекор частным интересам, в том числе своим собственным. Он был таков.

Тысячи профессоров ежедневно обращаются к своим студентам, но лишь в исключительных случаях голос лектора обретает силу, преобразующую умы и души слушателей, открывает им пути в новые миры и пространства. Его голос был преисполнен этой силы.

В конце концов, велика Россия – но как же мало в ней людей, чья зрячая любовь к отечеству сочетается с готовностью возложить на алтарь служения ему все свои неизмеримые духовные дары, причем с полным осознанием того, сколь небольшое в конечном счете удастся изменить к лучшему. Он посмеялся бы, конечно, над таким пафосом; он вообще был ироничен, и прежде всего по отношению к самому себе. Но в эти горькие дни подобная интонация простибельна.

Салмин принадлежал к еще одной, трагически малой в современной России когорте – просвещенных христиан, христианских мыслителей и делателей. И как христианин он не питал никаких иллюзий относительно человеческой природы – он знал, что человек, как правило, греховен, жалок и подл. Но как христианин он знал, что именно к этому

человеку, к такому, каков он есть, обращена Благая Весть, и надежда существует. Возможно, это и было его главной темой и заботой – как привести, хотя бы приблизить к совершенству столь несовершенный род? Как сделать это средствами науки? Как сделать это средствами политики, которую он понимал в соответствии с классическими образцами – как общественное устройство ко благу? Как сделать это, в конце концов, личным подвигом? А за большинством строчек его биографии на соседней странице, за большинством дат и названий – как раз подвиг, иногда очевидный для всех, иногда потаенный.

Один из последних опубликованных текстов Салмина, очень личный и очень загадочный¹, представляет собой развернутый ответ на вопрос: «Чему Вас научила жизнь?». В его последнем абзаце читаем обещание: «Если я у жизни еще чему-нибудь научусь, то постараюсь об этом рассказать». Рассказ прерван; сейчас необходимо думать о том, чему его жизнь научила нас. И научила ли чему-нибудь? В его присутствии было трудно писать глупости и делать низости: теперь того и другого станет больше. И все же хочется верить, что хотя бы память об Алексее Салмине будет смирать гордыню и злобу, укреплять веру в разум. Эта память – его последний дар, который не должен быть промотан впустую.

Он успел отдать несколько предсмертных распоряжений, преимущественно в юмористическом тоне. Одно из них таково: «Напишите, что я умер достойно, как джентльмен: в хорошо повязанном галстуке и начищенных ботинках». Теперь оно исполнено.

¹ Салмин А.М.
Держись моих
правил... Политика.
Зима 2002–2003.
№ 4. С. 116–117.